

ФОТИНА

Она привела себя в порядок, захватила кувшин-гидрию и вышла из дома.

Около шестого часа она дошла до источника.

Там был колодезь Иаковлев.

Солнце припекало, возле колодца в тени сидел мужчина. Не из здешних, сразу заметно. Иудей... Она поставила гидрию и стала разматывать веревку.

Он приветствовал ее по-арамейски. Точно иудей; по выговору галилеянин. И что им у себя дома не сидится?

Голос, однако, ей понравился. Скупое ответив на приветствие, она стала спускать кувшин в темноту.

Раздался всплеск: кувшин достиг воды.

Иудей смотрел на нее.

— *Дай мне пить.*

Как будто укол иглы, она даже слегка поморщилась: все это уже было. Вечер, колодец, пришелец возле колодца.

...Когда Авраам состарился, а сын его Исаак вошел в возраст жениха, отправил Авраам слугу своего, чтобы тот нашел Исааку невесту. И слуга, взяв верблюдов, пошел. *И остановил верблюдов вне города, у колодца воды, под вечер, в то время, когда выходят женщины черпать.* И сказал себе слуга: та, кто напоит его и его верблюдов, и будет женой Исааку. И помолился об этом.

И пришла к колодцу Ревекка. И обратился к ней слуга Авраамов, и сказал:

— *Дай мне пить.*

Сухбат Афлатуни

Что было дальше, хорошо известно. Ревекка напоила слугу, а потом его верблюдов. И стала женой Исааку, и родила ему двух близнецов, Исава и Иакова.

Все в этой сухой, полуденной земле начиналось с колодца. Со встречи, под вечер, возле него. С женщины, держащей кувшин, и чужестранца, говорящего:

– *Дай мне пить.*

И снова – укол. Снова вечер, и женщина, и чужестранец подле колодезя. Но теперь все наоборот, и уже чужестранец дает колодезную воду.

И встал Иаков, и пошел в землю сынов Востока. И увидел: вот на поле колодезь... Над устьем колодца был большой камень... Увидел Иаков Рахиль и отвалил камень от устья колодезя и напоил...

Что было дальше, хорошо известно. И Рахиль, и все бывшие при этом, и все стада напились этой воды. Рахиль станет женой Иакову и родит ему двенадцать сыновей – родоначальников двенадцати колен Израилевых.

Непонятная боль прошла.

Самаряныня набрала воды и поглядела на чужестранца.

– *Как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? Ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются.*

Самаряне, как и иудеи, почитали себя потомками Иакова.

Иудеи считали самарян потомками от смешения с хананейскими народами. И не общались с ними, называя «испорченными», полукровками.

Удивление самаряныни понятно. Иудей не просто обратился к ней, но попросил о помощи.

– *Дай мне пить.*

Да, конечно, это был не просто иудей. Не просто галилеянин. Не просто странник, сидящий в тени. Но самаряныня этого пока не знала.

– *Как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки?*

Великие рыбы

Он был тогда совершенно один. Где ученики, где последователи?

Ученики Его отлучились в город купить пищи, хлеба и рыбы.

Но где же сотни, тысячи, ходившие за Иисусом? Один Он оставался только тогда, когда уходил молиться, — да и это уединение Ему удавалось редко и с трудом.

Где же толпы?

Остались, вероятно, в Иудее. Не пошли за Ним в Самарию. *Ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются.*

Никого рядом с Ним не было.

Только эта женщина — бойкая самаряныня, в карман за словом не полезет...

(Когда Его оставляли ученики, рядом оставались только женщины. Так будет и у Креста. Так будет всякий раз, когда на церковь будет воздвигаться гонение. Мужчины станут толпами уходить от Него. И только женщины останутся рядом до последнего.)

Иисус же сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: «дай Мне пить», ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую.

Она вытянула кувшин из колодца и поставила на плоский камень. Отерла лоб. Еще раз оглядела путника.

— Господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у Тебя вода живая?

Колодец и правда был глубок: тридцать пять метров. Вырыт на северо-западной стороне горы Гризим — священной горы самарян.

Гора Гризим, абсолютная высота 881 метр. Подле нее и лежал город Сихарь, или Сихем, куда отправились за провиантом ученики Христа.

На горе Гризим Моисей повелел ежегодно читать Закон при всенародном собрании.

Сухбат Афлатуни

На горе Гризим шесть колен Израиля: Симеоново, Левиино, Иудино, Иссахарово, Иосифово и Вениаминово — должны были произносить благословение на исполнителей Закона.

На горе Гризим, по версии самаритянского Пятикнижия, был устроен жертвенник из цельных камней, на которых были высечены десять заповедей Господних.

На горе Гризим после вавилонского пленения самаряне строят свой Храм.

Храм был разрушен, но самаряне продолжали совершать на его развалинах поклонение Богу.

Самаряне поклонялись Единому Богу на горе Гризим, иудеи — в Иерусалимском храме, у горы Сион.

— Отцы наши поклонялись на этой горе, — сказала она, — а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме.

Что нам, собственно, известно об этой женщине у колодца Иакова?

Что у нее — как и сказал ей в тот вечер Иисус — до того *было пять мужей*.

— И тот, кого ныне имеешь, не муж тебе. (При этих словах она вспотела от стыда, но еще сильнее от удивления: откуда иудей мог это знать?)

Самарянское ее имя неизвестно. Может, ее звали Ревекка, как ту, что напоила из колодца слугу Авраама и стала женой Исаака и матерью Исава и Иакова. Или — Рахиль, как ту, которую напоил из колодца Иаков и взял себе в жены.

Имя — лишь тень, отбрасываемая человеком. Тень от луча, падающего сверху. Как сейчас на эту самаряныню с кувшином в руках. Самарянское ее имя неизвестно. Известно римское — Фотина.

У самарян был обычай брать второе имя, латинское или греческое. Как и у многих иудеев, сирийцев, египтян, живших в Римской империи. У апостола Павла было иудейское имя Савл — точнее, Шауль. Апостола Варфоломея мы знаем только по этому, иудейскому, имени. Апостола Андрея — наоборот, только по римскому.

Великие рыбы

Фотина означало «светлая».

Ее сестер мы также знаем только по римским именам. Параскева, Фото, Фотида, Анатолия и Кириакия.

Еще у нее было два сына, Иосия и Виктор. От каких из тех пяти мужей были они, неизвестно. Да и были ли они, эти мужья? Точно сон какой-то...

Душа у нас – жена Самаритянка;
Пять наших чувств – суть пять ее мужей,
Душа-жена дружится с каждым чувством
И с ним живет, как с мужем, заодно.
Но испытав их лживость и превратность,
Тревожится, грустит, томится жаждой,
Доколь ее Господь не усытит
Беседою о истинах высоких;
Доколь не даст ей пить живой воды...¹

Она испила этой воды. И она, и ее сестры, и ее сыновья. Все стали христианами. Так оно вскоре и произойдет.

Но самаряныня этого, естественно, знать не могла. Пока она, утирая пот, выступивший росой на лбу, сидит подле колодца. Как некогда Ревекка. Как Рахиль. И слушает сквозь стрекот кузнечиков идущие к ней слова. И слушает. И видит.

---

¹ Федор Глинка. Из поэмы «Таинственная капля».

ПАВЕЛ, ПЕТР

Он помнил тот колодец и ту женщину, самарянку с мокрыми темными руками. Все они, Его ученики, тогда видели ее... Но теперь Иоанн думал не о ней.

День был душным, море – свинцовым. Диктовать было тяжело; Прохор то и дело переспрашивал. Иоанн и сам бы взялся за калам, если бы не глаза. К старости далекое становится прозрачным, а ближнее покрывается туманом.

Он вышел из пещеры.

Небо было напряженным, пепельным. Сколько раз он вот так же вглядывался в него, и надежда шевелилась в нем, как плод в утробе матери. Сколько раз ловил случайные новости с гавани, вчитывался в редкие послания от асийских церквей... Не наступает ли конец мира, братие? Не пала ли Блудница Вавилонская, упившись вином блудодеяний своих?

Spem pretio non emo.

Глупая поговорка. «За надежду денег не дают».

Он отдал за надежду всю свою жизнь. Будь у него их несколько, отдал бы их все.

Но он и так живет долго.

Он пережил их всех – всех, с кем ходил тогда по Иудее. Посечен мечом в Иерусалиме брат Иаков. Казнен в далекой Индии Фома. Распят в Патрах Андрей.

Его тогда тоже должны были казнить, в Риме, вместе с Петром и Павлом. Петр и Павел так и остались в этом мерзком Вавилоне. Пропитали кровью своей его землю. Души их предстоят пред небесным Алтарем. Он знает. Он – видел.

Великие рыбы

Прислонясь к скале, он думает о них. Камень холодит спину; небо, море — все сливается.

Петр и Павел. Павел и Петр.

Они были очень разными.

Один был сыном простого рыбака. Другой — сыном ученого фарисея.

Один родился и вырос в самой Иудее. Другой — в рассеянии, в Тарсе Киликийском, гнездилище еллинского любомудрия и риторства.

Один был человеком некнижным; другой — учеником премудрого раббана Гамалиила.

Один был здоров и крепок; другой — изнуряем приступами болезни.

Один был с Христом с самого начала Его проповеди. Другой никогда не видел Христа воочию.

Наконец, один большую часть своего служения проповедовал среди иудеев; другой был прозван «апостолом язычников».

Петр и Павел.

Павел и Петр.

Петра звали Симон. Шимон — «услышанный Богом».

Родом был он из Вифсаиды Галилейской.

Виф-Саида, или Бейт-Цаида, — «дом рыбака»; оттуда же были Филипп и Андрей. Поселение на берегу Галилейского моря, или, как оно звалось в честь кесаря Тиверия, Тивериадского.

Шимон здесь рос, женился, ловил рыбу. Усача и галилейскую тиляпию, которую через века станут называть рыбой Святого Петра.

Да, Шимон назван человеком некнижным, «аграмматос» — неученым. Но это — в глазах иерусалимских, столичных книжников, ухищренных в богословских тонкостях. Еще этот его галилейский выговор, забавлявший их.

Но Тору и Псалмы он знал, целые отрывки наизусть приводил. Ремесло рыбака не мешало изучению Закона. Море беспокойно —

Сухбат Афлатуни

сиди на берегу, вникай в Писание. Он и вникал. А беспокойным оно бывало часто.

И еще — Шимон умел обращаться с мечом. Тоже нерядовое для простого рыбака умение.

Что-то было в этом уже немолодом галилеянине, что Господь именно ему поручил пасти Его овец.

Вера. Вера в то, что Иисус есть Христос, долгожданный Мессия, Сын Божий.

Ибо церковь может быть созидана только на Вере.

Порой она оставляла Шимона, и тогда он, идущий по волнам к Господу, начинал тонуть. Или — в ту зябкую ночь, когда он грелся у огня во дворе дома первосвященника, — трижды отрекался от Него. И Учитель, которого как раз выводили из судилища, поглядел на него — так, как только Он один мог глядеть. И пошел далее.

Потом Шимон долго брел по узким, залитым нечистотами иерусалимским улочкам, размазывал слезы по пыльному лицу.

Потом будет Распятие.

Будет Воскресение.

Всякий раз вера снова возгоралась в нем. Он выполнял данный ему завет — пас овец Господних, умножал Его стадо. На месте галилейского рыбака Шимона возник апостол Петр — «камень, скала».

Последний приступ малодушия постиг Петра уже на склоне лет, в Вавилоне, как христиане называли между собой Рим. Даже не малодушия — скорее, благоразумия...

В ночь с 18 на 19 июля 64 года по Рождеству Того, кого Петр проповедовал Сыном Божиим, загорелся Рим.

Петр был в ту пору в Риме. В Риме был и Павел.

Его звали Савл. Шауль — «вымоленный у Бога».

Назвали его в честь Саула, Шауля — первого израильского царя, тоже из колена Вениаминова.

Родом Шауль был из Тарса Киликийского.

Тарс был завоеван Римом за семьдесят лет до его рождения. Это был пестрый город — греки, иудеи, армяне, сирийцы... Город

Великие рыбы

славился ученостью. Как писал Страбон, жители Тарса с таким рвением занимались философией, что превзошли Афины.

О том, повлияла ли на будущего апостола философия стоиков, преобладавшая в Тарсе, будут еще много спорить. Но греческую литературу Шауль знал. В проповеди на афинском ареопаге он процитирует строчку из «Явлений» Арата.

С греческой премудростью юный Шауль мог познакомиться и в Иерусалиме, в школе раббана Гамалиила. Гамалиил — единственный законоучитель, почитаемый и иудеями, и христианами. Защитил на синагогине апостола Петра и других от угрожавшей им смерти. Его школа была умереннее, терпимее других школ; славилась преподаванием светских наук. В конце жизни Гамалиил был тайно крещен Петром.

Почему молодой Шауль, воспитанный *при ногах Гамалиила*, как он о себе говорил, проявит такую нетерпимость к христианам?

Тогда их многие ненавидели. Впрочем, как и позже, как и всегда. Ненависть будет то уходить под землю, то выступать на ней кровавой пеной.

Потом будет свет, облиставший Шауля по дороге в Дамаск.

Потом будут годы проповеди в Антиохии.

На месте прежнего Шауля возникал Павел. Тот, кто носил имя царя, *бывшего от плеч своих выше всего народа*, становился «малым», «маленьким» — именно это означало римское имя «Павел». Ибо только через умаление лежит путь к величию.

Что-то было в этом молодом тарсянине, что Господь именно ему поручил проповедовать Евангелие язычникам.

Любовь. Любовь и вера, но любовь прежде. Ибо сам Бог есть Любовь.

И Царство Небесное созиждится на любви.

Это не была любовь, равномерно и непрерывно изливаемая на все и вся. Он мог отдалить от себя. Мог выговорить со всей строгостью: *О несмысленние Галате!* Мог пригрозить отлучением: *Аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят!*

Но в основе всего этого была любовь. Любовь, светившая в немощном, костлявом теле этого тарсянина все сильнее.

Сухбат Афлатуни

Потом будут миссионерские странствия по всей Греции и Малой Азии. Взятие под стражу и отправка в Рим.

В Риме он пробудет два года, дожидаясь суда императора.

И будет оправдан. Предпримет новые путешествия.

Во время Великого Пожара 64 года или вскоре после него он, как и апостол Петр, будет в Риме.

Пожар начался в ту душную ночь с 18 на 19 июля в лавках, расположенных у Большого цирка. К утру горела большая часть города.

Огонь тушили долго и безуспешно. Рим выгорал, ветер разносил сажу и стоны обожженных и растоптанных на тесных улицах.

С холма на горящий город глядел Нерон. В его совиных глазах играли отблески пламени.

Как все тираны, Нерон мнил себя великим строителем. Еще во время пожара он разработал план строительства нового Рима. Установил расстояние между домами, ширину новых улиц, обязал строить только каменные здания. Заложил на расчищенной огнем земле свой грандиозный Золотой Дом.

Оставалось только найти, кого обвинить в поджоге.

Началось избиение христиан; запах гари над Римом сменился запахом крови.

Многие, спасаясь, уходили из Рима. В числе их был и апостол Петр.

Это не было малодушием. Нужно было спасти церковноначалие. Церковь, с такими трудами рожденная и устроенная, могла быть полностью обезглавлена. В Риме пребывал в узах апостол Павел. В Рим был доставлен под стражей апостол Иоанн. На свободе оставался один Петр.

Петр уходил из Рима.

Ночь была холодной, костер у дороги грел слабо. Внезапно Петр поднял глаза и увидел Его. За спиной темнел крест, нижний конец которого волочился, постукивая, по булыжникам. Петр приподнялся; стало видно и лицо подошедшего, и венец, и кровоподтеки. Пламя изогнулось от ветра и снова распрямилось, пускающая в ночное небо искры.

Великие рыбы

– Камо грядеши, Господи?

– В Рим иду, паки распятися.

И поглядел на Петра – так, как только Он один мог глядеть. И пошел далее.

Петр, быстро поднявшись, побежал следом, обратно в Рим.

Потом он долго брел по широким, заново отстраиваемым римским улицам и размазывал слезы радости по пыльному лицу.

Римская полиция работала хорошо. Петр был схвачен, осужден и поведен на распятие.

– Переверните крест! – кричал он, задыхаясь. – Я недостоин так быть на кресте, как Господь мой, переверните крест!

Палачи, переглянувшись, перевернули Петра. Теперь он висел вниз головой.

– Благодарю тя, Пастырю благий, – он говорил с трудом, кровь прилиwała к голове, – сподобил мя еси сему часу. Но молю ти ся, овцы, яже ми еси поручил, да не остануть кроме Тебе, истинного Бога...

Павла, как римского гражданина, предали «честной» смерти – усечением главы. Было это в месте Акве Сальвие, у старой сосны.

Христиане, взявши тело Павла, положили в одном месте с Петром.

Так они окончательно встретились: Петр и Павел, Шимон и Шауль.

Он – третий – тогда избег смерти.

Ему назначили выпить чашу с ядом – пред лицом Нерона. Чашу он выпил спокойно, ровными глотками; отер уста краем гимназия... Яд не причинил ему вреда. Пораженный Нерон заменил казнь ссылкой, сюда, на Патмос.

Погиб апостол Веры – Петр.

Погиб апостол Любви – Павел.

Одному ему, Иоанну, выпало остаться в живых, чтобы сохранять, сберегать в себе Надежду. Чтобы самому стать Надеждой – на скорое приближение всех сроков.

Dum spiro, spero.